Т. Д. Равдоникас

КОРМИЛЬСТВО НА БОСПОРЕ

В эпиграфических памятниках Боспорского царства II в. до н. э. — III в. н. э. изредка встречаются термины, говорящие о существовании на Боспоре института кормильства. Таких терминов три: 'εχθρέφαντα[1], τρόφιμος[2], θρεπτός[3]. Они происходят от древнегреческого обозначения пищи — τροφή[4], кормления — τρέφειν[5] и переводятся по смыслу все одинаково, но с различным социальным акцентом: «воспитатель — воспитанник» — когда говорится о свободных, и «кормилец — вскормленник»[6] — когда речь идет о рабах.

Самым ранним для Северного Причерноморья по тем сведениям, которые имеются в нашем распоряжении, является термин 'εχθρέφαντα.

В тексте херсонесского «Декрета в честь Диофанта», написанного после победы Диофанта (полководца царя Митридата VI Евпатора) над скифами, наступавшими на Херсонес, он применен по отношению к Савмаку, «воспитаннику» или «вскормленнику», боспорского царя Перисада V[7]. Таким образом, хотя термин этот найден не на Боспоре, а в Херсонесе, употребили его при упоминании о событиях, имевших место на Боспоре, отчего, как нам кажется, мы и можем считать его характерным для Боспорского царства.

Термин θρεπτός был широко распространен в древнегреческих правовых документах. По мнению специалистов, он «...соответствовал латинскому verna и обозначал раба, родившегося и выросшего в доме своего господина, доморощенного раба»[8]. Переводится термин словом «вскормленник», «вскормленница» и встречается в надписях на камнях, представлявших особые акты отпуска доморощенных рабов на волю (манумиссии)[9]. Такие манумиссии, датируемые первыми веками н. э., были

[1] *H. I. Liddell and R. A. Scott.* A Greek-English lexicon. Oxford, 1968, p. 805; *И. Х. Дворецкий.* Древнегреческо-русский словарь, т. I, М., 1958, с. 502; *С. А. Жебелев.* Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре.— «Известия государственной академии истории материальной культуры» (далее ИГАИМК), в. 70. Л., 1933, с. 28.

[2] *H. I. Liddell and R. A. Scott.* Указ. раб., с. 826; *И. Х. Дворецкий.* Указ. раб., т. II, с. 1650; «Corpus inscriptionum regni Bosporani» (далее CIRB). М.— Л., 1965, № 315, 386, 407, 413, 421, 552, 680, 701, 705, 727.

[3] *С. А. Жебелев.* Указ. раб., с. 28.— CIRB. Манумиссии: Пантикапей — № 70—74; Горгиппия — № 1123—1128; Фанагория — № 985—986; Запорожская — № 1102.

[4] *H. I. Liddell and R. A. Scott.* Указ. раб., с. 1827—1828; *И. Х. Дворецкий.* Указ. раб., т. II, с. 1650.

[5] *H. I. Liddell and R. A. Scott.* Указ. раб., с. 1827—1828; *В. В. Струве.* Восстание Савмака.— «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1950, № 3, с. 32.

[6] CIRB, № 315, 386, 407, 413, 421, 552, 680, 701, 727 и № 70, 71, 73, 74, 1123—1128.

[7] «Древний мир на юге России». Изборник источников. Под редакцией проф. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Формаковского. М., 1918, с. 68; *V. V. Latyschev.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (далее IPE), v. 1. Petropoli, MDCCCLXXXV, № 185, с. 178.

[8] *С. А. Жебелев.* Указ. раб., с. 28.

[9] *В. В. Струве.* Указ. раб., с. 34.

найдены в Пантикапее, Горгиппии, Фанагории, около станицы Запорожской (древнее название неизвестно) [10].

Таким образом, содержание термина определено четко: он обозначал вскормленника-раба, кормильцем которого являлся его хозяин.

Термин τρόφιμος (τροφός, σοντροφος и т. д.) [11] найден в Пантикапее. Надписи, в которых он встречается, а их известно 11, вырезаны на надгробных памятниках, датируемых по характеру письма I в. до н. э.— III в. н. э. Все стелы, кроме одной, самой поздней, были украшены рельефным изображением человека, сохранившимся на одних стелах частично, а на других целиком.

Семь стел из одиннадцати поставлены воспитанникам (4) [12] и воспитанницам (3) [13]. На трех из них вырезаны имена воспитанника(ицы), его отца и воспитателя [14]; на четырех — только воспитанника(ицы) и воспитателя [15]. Два памятника являются общими для воспитательниц-кормилиц и их подопечных; один поставлен воспитаннику [16], другой — воспитаннице [17]. Одна стела посвящена воспитательнице-кормилице [18]. Последний, самый поздний памятник воздвигнут в память о «молочном» брате [19]. Два памятника относятся к I в. до н. э.[20], пять — к I в. н. э.[21], три — ко II в. [22] и один к III в. н. э. [23]; все они, за исключением одного, мраморного, вырезаны из местного известняка.

Как правило, воспитанники показаны в виде вооруженных всадников, сопровождаемых слугой. Их одежда дополнена военным или всадническим плащом, на одном памятнике (пеший воин-подросток) — также и украшениями. Воспитанницы изображены в длинном одеянии с накинутым на голову покрывалом, которое было неотъемлемой частью погребальной одежды [24]. Воспитательницы одеты так же, только на одном памятнике под покрывалом вырисовывается невысокий конусообразный головной убор, несколько напоминающий головной убор в виде золотой пластинки из кургана Карагодеуашх [25]. Одежда, изображенная на памятнике (бюсте) кормилицы, дополнена украшениями (браслет и серьги).

В корпусе Боспорских надписей на русский язык термин τρόφιμος в двух случаях переведен словом «воспитанник» [26], во всех остальных употреблен термин «вскормленник», «вскормленница» в значении раба, выращенного господином. Но, как мы знаем, для «доморощенного» раба уже существовал термин θρεπτός. По какому принципу авторы корпуса переводили τρόφιμος то как «воспитанник», то как «вскормленник», нам не вполне ясно. Правда, фигуры воспитанников этих двух памятников никак не могли означать рабов: кроме дополненной украшениями одежды, о которой говорилось выше, в руках у одного изображено оружие [27], у

---

[10] CIRB № 70—74— в Пантикапее; № 985—988 — в Фанагории; № 1102 — в Запорожской; № 1123—1128 — в Горгиппии.

[11] *H. I. Liddell and R. A. Scott.* Указ. раб., с. 1827, 1828; *И. Х. Дворецкий.* Указ. раб., т. II, с. 1581, с. 1650.

[12] CIRB, № 407, 552, 701.

[13] Там же, № 279, 386, 680, 705.

[14] Там же, № 279, 552, 705.

[15] Там же, № 386, 407, 680, 701.

[16] Там же, № 413.

[17] Там же, № 421.

[18] Там же, № 315.

[19] Там же, № 727. «Стратон, сын Ходия, сына Дада — Геоке, вскормленному вместе с ним».

[20] Там же, № 279, 315.

[21] Там же, № 386, 407, 413, 421, 552.

[22] Там же, № 680, 701, 705.

[23] Там же, № 727.

[24] *А. Б. Ашик.* Боспорское царство. Одесса, 1848, с. 72—73.

[25] *А. С. Лаппо-Данилевский.* Курган Карагодеуашх.— «Материалы по археологии России», № 13. СПб., 1894, табл. III, *1.*

[26] CIRB, № 279, 705.

[27] Там же, № 279.

другого — ритуальный сосуд[28]. Рядом с их фигурами помещены фигуры слуг. Один из памятников с двухъярусным рельефом. На нижнем ярусе находится фигура поставившей памятник воспитательницы. Вряд ли это был раб. Видимо, у переводчиков не было выбора и термин τρόφιμος пришлось перевести словом «воспитанник».

Обратимся теперь к надписи «Хрисе, дочери Хреста, воспитаннице же Макария»[29]. Авторы перевода считают ее «вскормленницей»—рабыней Макария. Но тогда возникает вопрос, зачем Макарий внес в текст надписи имя «своего раба» — отца Хрисы, да еще и поставил его перед своим именем. Другую воспитанницу не спасло и дорогое мраморное надгробие: Перигенида оказывается не воспитанницей, а вскормленницей Гелия[30].

Как уже говорилось выше, на четырех памятниках в надпись внесены имена воспитанников и воспитателей, а имена отцов отсутствуют. Объяснить это можно причинами общественного порядка. Если отец воспитанника занимал достаточно высокий служебный пост или отличился на военном или гражданском поприще, его имя обязательно вносили в текст надписи. Примером может служить надпись на памятнике, поставленном «Стратоном, сыном Ходия, сына Дада» вскормленному или воспитанному вместе с ним Геоке[31]. Стратон отметил в надписи не только отца, но и именитого деда — обычай, распространившийся на Боспоре в римское время[32]. В том же случае, когда родители были частными лицами и ничем не выделялись из общей массы граждан, их имена не увековечивались. Однако из этого не следует, что дети их, отданные на кормильство, превращались в рабов.

Игнорирование института кормильства привело к тому, что кормилицу Кирию, памятник которой воздвигли ее воспитанники Никарх и Эратион, сыновья Сосигена, переводчики считают хозяйкой, надгробие которой поставлено слугами, «во всяком случае людьми, занимающими подчиненное положение (и, добавим мы, имевшими прославленного отца)...»[33]. По нашему мнению, термин τρόφιμος говорит не о подчиненном положении воспитанников, а о бытовании на Боспоре обычая кормильства.

До тех пор пока не было работ М. М. Ковалевского, М. О. Косвена, Е. Г. Кагарова, А. Н. Генко, В. К. Гарданова и других исследователей, описавших кормильство у разных народов мира (древние кельты, древние россияне, различные группы тюрков, адыги, осетины и пр.), перевод термина τρόφιμος как «вскормленника-раба» казался закономерным и не мог вызвать недоумения. В наше время лингвист не может пренебрегать этнографией и должен учитывать своеобразие социального строя, материальной и духовной культуры народа, над эпиграфическими памятниками которого он работает. Именно потому, что переводчики не учитывали института кормильства, они превратили детей свободных граждан, а возможно, и родовой знати[34] в доморощенных рабов.

Обычай кормильства был впервые исследован и описан М. М. Ковалевским на кавказских материалах[35]. В соответствии с этим обычаем родители не выкармливали и не воспитывали своих детей, но сразу после появления их на свет или через некоторое время отдавали ребенка на выкармливание и воспитание какому-либо лицу в другую семью. Этот

---

[28] Там же, № 705.
[29] CIRB, № 552.
[30] Там же, № 701.
[31] Там же, № 727.
[32] *Т. В. Блаватская.* Надпись Агафа из Фанагории.— ВДИ, 1948, № 4, с. 78.
[33] CIRB, № 315.
[34] Например, Хрису, дочь Хреста (CIRB, № 552), или Перигениду, воспитанницу Гелия (там же, № 701).
[35] *М. М. Ковалевский.* Закон и обычай на Кавказе, т. I. М., 1890.

обычай был особенно развит в среде князей и дворян, но встречался и у низших слоев населения[36].

В 1935 г. М. О. Косвен в статье «Аталычество»[37] подробно описал кавказский институт воспитателей-аталыков (отцов) и для объяснения его привел примеры из древней истории различных народов Западной Европы, аборигенов Северной Америки, Полинезии, Африки, существование института кормильства у которых было зафиксировано в прошлом в разных формах и на различных этапах истории народа. Это дало возможность М. О. Косвену показать, как зарождался и развивался институт в родовом обществе в период перехода к патрилокальному браку, при котором вначале дети не принадлежали к роду отца и как чужие должны были его покидать и уходить в род матери к своему материнскому дяде. Последний нес ответственность за воспитание ребенка, кормление и материальную обеспеченность его в будущем. При переходе от родового строя к феодальному этот обычай преобразовался в институт кормильства (аталычества), служивший интересам феодалов. Сохранился он дольше всего в среде родовой знати и использовался феодалами для укрепления и централизации своей власти, как это было, например, в Древней Руси[38].

У различных народов Кавказа аталычество приняло разные формы, соответствующие местным условиям и степени развитости феодализма. Однако у всех народов, кроме абхазов, на первый план выступал воспитатель-мужчина, приезжавший с товарищами за ребенком, а иногда и похищавший его и по окончании срока кормильства возвращавший его родителям. Кормилица-воспитательница отошла на задний план, хотя практически обойтись без нее было невозможно. По словам Шоры Ногмова, у адыгов княжеский ребенок сразу после рождения передавался аталыку и до семи лет находился под наблюдением женщин, после чего поступал в ведение воспитателя и его начинали обучать всему тому, что должен был уметь взрослый мужчина: верховой езде, пользованию различным оружием — ножом, кинжалом, луком и стрелами[39] — и, очевидно, знакомили с фольклором.

Приблизительно то же самое наблюдалось и в институте кормильства в Древней Руси, сведения о котором впервые собрал В. К. Гарданов, основываясь на текстах древнерусских летописей и житийной литературы[40]. В них воспитатель (в основном говорится о воспитателях княжеских сыновей, имевших тогда большое политическое значение) именовался «кормильцем», отчего и этот институт В. К. Гарданов очень точно назвал «кормильством»[41]. Становясь кормильцем княжеского ребенка, феодал делался вторым после князя лицом в княжестве (в некоторых случаях его сыновья даже претендовали на княжеский престол). Сыновья «кормильца» (кормильчичи) становились ближайшими друзьями и приверженцами воспитанника отца. Связь между ними сохранялась в течение всей жизни и была крепче кровнородственной. В то же время кормилица-воспитательница, игравшая когда-то одинаковую с кормильцем роль, и ее сыновья превратились в привилегированную прислугу в семье воспитанника[42].

---

[36] *В. К. Гарданов.* Аталычество.— «Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973)». М., 1973.

[37] *М. О. Косвен.* Аталычество.— «Сов. этнография», 1935, № 2, с. 41—59.

[38] *В. К. Гарданов.* «Кормильство» в Древней Руси.— «Сов. этнография», 1959, № 6, с. 57.

[39] *Ш. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958, с. 80—81.

[40] *В. К. Гарданов.* Аталычество, с. 41—59.

[41] Уже В. К. Гарданов обратил внимание на то, что слова, обозначающие «воспитание», восходят к кормлению (питание — воспитание, воспитанник, воспитатель, кормилец).

[42] *В. К. Гарданов.* О «кормильце» и «кормильчице» краткой редакции Русской правды.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», в. 35, 1960, с. 42—43.

Таким образом, на Северном Кавказе и, особенно в Древней Руси, кормильство предстает перед нами в поздней фазе, для которой типично оттеснение кормилицы на задний план, как это мы видели у адыгов, или даже превращение ее в прислугу (как это было на Руси).

В Абхазии вплоть до установления Советской власти представители высшего сословия отдавали детей на воспитание крестьянам [43], а женщина в кормильстве занимала равное с мужчиной-воспитателем положение. Выбранные родителями будущие воспитатели (кормилица, ее муж и все члены фамилии) приезжали накануне родов. Сразу после появления на свет младенец поступал в ведение кормилицы и ее мужа, которые получали почетные звания «матери-кормилицы» (âdagâ) и «отца-кормильца» (abaďďéy) [44]. Ребенок становился воспитанником не только семьи отца-кормильца, но и всей фамилии, к которой они принадлежали. Все члены этой фамилии получали звание «людей отцовства» (âbraa), которое также считалось почетным [45]. Каждый мужчина данного рода по отношению к воспитаннику считался воспитателем, а каждая женщина—воспитательницей (кормилицей). Кормилицей могла быть любая женщина этой фамилии, но реальной была жена аталыка [46]. Когда воспитаннику исполнялось 2—3 года, его впервые привозили показать родителям. Вероятно, это был период, когда ребенка переставали кормить грудью. Окончательно возвращали его родным по достижении им 8—9-летнего возраста, а если он оказывался к этому времени сиротой, то жил у воспитателей до женитьбы. Связь между воспитанником и воспитавшей его фамилией сохранялась в течение всей жизни и была крепче кровного родства. «...до сих пор ни одна родственная связь в Абхазии не сильна в той степени, как связь воспитанника с воспитавшим его родом (фамилией — *Т. Р.*)»,— писал в 1917 г. абхазский ученый Н. С. Джанашия [47]. Заметим, однако, что крепче всего была связь воспитанника с его действительной кормилицей и ее детьми [48].

Родство по кормильству налагало на обе стороны целый ряд обязательств: взаимная защита, помощь, участие в радостных и горестных событиях. Если питомец по молодости лет не мог сам выполнить долг перед воспитателями, за него это делали родители [49].

У осетин, по словам М. М. Ковалевского, в конце XIX в. еще существовала поговорка: «...молоко идет так же далеко, как и кровь», т. е.,— пишет Ковалевский,— «молочное родство признается в тех же степенях, что и кровное» [50]. «Весьма тесным родством,— говорит он в другом месте,— считается осетинами то, начало которому кладет вскармливание ребенка грудью, а также воспитание его избранным воспитателем, аталыком. Молочные братья и сестры несут один по отношению к другому, а также и к своим отцам обязанности защиты и покровительства» [51].

В последнее время в печати появились работы, авторы которых считают Боспорское царство раннефеодальным государством. Не дискутируя на эту тему, заметим, что в эпиграфических памятниках мы столкнулись с данными об очень древнем обычае, который не успел еще перерасти в институт кормильства, или аталычества. Тем не менее естественно, что именно изложенные выше права и обязанности воспитателей и

---

[43] *М. Джанашвили.* Абхазия и абхазцы.— «Записки Кавказского отдела Русского географического общ-ва», кн. XVI. Тифлис, 1894, с. 20—23.

[44] *А. Н. Генко.* Задачи этнографического изучения Кавказа.— «Сов. этнография», 1936, № 4—5, с. 16.

[45] *М. Джанашвили.* Указ. раб., с. 19—20, 28.

[46] Вспомним по аналогии также «мамушек» русских сказок.

[47] *Н. С. Джанашия.* Абхазский культ и быт.— «Христианский Восток», т. I. Пг., 1917, с. 180.

[48] *М. Джанашвили.* Указ. раб., с. 21—22.

[49] Там же, с. 21.

[50] *М. М. Ковалевский.* Современный обычай и древний закон, т. I. М., 1886, с. 313.

[51] *М. М. Ковалевский.* Указ. раб., с. 312.

воспитанников, определяющие институт кормильства, разъяснили нам содержание рассмотренных памятников. Значение термина τρόφιμος стало ясным: его употребляли для обозначения отданных на кормильство детей свободных граждан Боспорского царства.

Мы уже говорили о «Декрете в честь Диофанта». Памятник найден на месте древнего Херсонеса (нынешний Севастополь). Текст декрета вырезан на мраморном постаменте бронзовой статуи Диофанта и сообщает о военных событиях конца II в. до н. э. Для нас он интересен тем, что в нем впервые в Северном Причерноморье встречается термин ἐχτρέφειν.

Во II в. до н. э. обстановка в Крыму была напряженной: в его центральной части скифы создали свое государство (Малая Скифия) и, окрепнув, начали продвигаться к побережью, рассчитывая захватить богатые греческие города и их заморскую торговлю [52]. Свою экспансию они направили прежде всего в западную часть Крыма, где захватили принадлежащие Херсонесу города Каркинитиду и Прекрасную Гавань, а потом и районы вблизи самого Херсонеса. Последний обратился за помощью к царю Понта Митридату Евпатору, так как в самом Крыму не было тогда силы, способной противостоять скифам. Еще недавно сильное Боспорское царство ослабело и с трудом сдерживало варваров, откупаясь от них непомерно большими дарами [53].

Митридат отправил на помощь Херсонесу экспедиционный корпус во главе с полководцем Диофантом, который около двух лет провел в Крыму, усмиряя скифов. Тогда же Диофант посетил Боспор, где, как полагают, вел с его царем Перисадом V предварительные переговоры о передаче им боспорского престола Митридату [54]. Через год скифы во главе с царем Палаком вновь попытались овладеть Херсонесом. Диофант с армией вернулся в Херсонес, одержал над скифами полную победу и заставил их признать зависимость от Понта [55]. После этого он вел официальные переговоры с Перисадом о передаче им власти над Боспором Митридату Евпатору и, как гласит текст декрета, «...устроил тамошние дела... прекрасно и полезно для царя Митридата» [56]. Во время переговоров в Пантикапее вспыхнуло восстание скифов во главе с Савмаком, воспитанником Перисада [57]. Савмак убил Перисада. Против Диофанта был составлен заговор, но ему удалось спастись.

Восстание приняло очень большие размеры, охватив всю европейскую часть Боспорского царства с городами Феодосией и Пантикапеем. Савмак объявил себя царем. Известны монеты с его именем и изображением головы Гелиоса — бога солнца [58].

Очень тщательно и долго, почти год, готовил Диофант поход против Савмака. Наконец, с крупными сухопутными и морскими силами он высадился в Херсонесе и, присоединив к своей армии херсонесское ополчение, которое разместилось на трех судах, повел наступление на Боспор. Очевидно, борьба предстояла нелегкая, но судьба Боспорского царства была предрешена, так как военное преимущество оказалось на стороне

---

[52] *С. А. Жебелев.* Указ. раб., с. 15; *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 299.

[53] *Страбон.* VII, 4, 4. Л., 1964.

[54] *С. А. Жебелев.* Указ. раб., с. 21.

[55] *Страбон.* VII, 4, 3.

[56] *V. Latyschev.* Указ. раб., с. 352.

[57] В настоящее время на основании грамматического анализа текста «Декрета в честь Диофанта» многие ученые склонны считать воспитанником Перисада не Савмака, а самого Диофанта. Как бы то ни было, для нас прежде всего важен сам факт существования на Боспоре во II в. до н. э. термина ἐχτρέφειν, примененного по отношению к представителю родовой знати. Диофант, полководец и доверенное лицо Митридата, естественно, принадлежал к элите, и здесь доказывать ничего не нужно. Поэтому мы рассмотрим вариант, при котором предполагается, что воспитанником был Савмак.

[58] *А. Н. Зограф.* Античные монеты,— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 16. М.— Л., 1951, с. 185, табл. XIII, рис. 27—29. *В. Ф. Гайдукевич.* Указ. раб., с. 304, табл. III, рис. 43.

Диофанта. Вначале Диофант захватил Феодосию, потом Пантикапей. Савмак попал в плен и был отправлен в Понт. Боспорское царство стало частью Понта и временно перестало существовать как самостоятельное государство.

Текст «Декрета в честь Диофанта» вызвал споры среди ученых. Были высказаны различные точки зрения как на классовую сущность скифского переворота, так и на личность самого Савмака.

После работ С. А. Жебелева[59] не приходится сомневаться в том, что на Боспоре произошло восстание скифских рабов, подобно тому как это было в Пергаме в 133 г. до н. э., когда во главе восставших рабов и бедноты стал Аристоник, побочный сын царя Евмена II. Аристоник после смерти своего брата Атталы III, завещавшего свое государство Риму, выступил как претендент на престол, обещая создать «государство солнца и справедливости» (государство гелиополитов)[60].

На сходство условий восстаний в Пергаме и на Боспоре обратил внимание также М. И. Ростовцев[61]. Планы Савмака неизвестны, но изображение головы Гелиоса на выпущенных им монетах позволило В. Ф. Гайдукевичу высказать предположение о близости идей Савмака и Аристоника[62].

Волна революционного движения рабов, начавшись в последней трети II в. до н. э. в Италии, Греции и Сицилии, к последним десятилетиям II в. до н. э. докатилась до Пергама и Боспорского царства. Восстание Савмака предполагалось, возможно, как часть скифского наступления и вылилось в восстание после разгрома армии Палака.

Вопрос о классовой принадлежности Савмака до сих пор решался почти целиком на основании лингвистического анализа термина — ἐχθρέφαντα (вскормленник, воспитанник), который, по мнению одних ученых, обозначал раба из хозяйства Перисада, по мнению других — знатного юношу, царевича — воспитанника Спартокида[63].

Как мы знаем, в Боспорском царстве среди его свободных граждан и среди рабов существовал обычай кормильства, обозначавшийся в разных слоях населения по-разному. Термин ἐχθρέφαντα еще во II в. до н. э. обозначал кормильство как у свободного населения, так и у рабов[64].

Институт кормильства был, очевидно, распространен в Греции в древний период ее истории. Все известные нам и до сих пор потрясающие своим драматизмом трагедии рассказывают о становлении патриархата, при котором преобладающее значение приобретает родство по крови. Как пережиток кормильства у греков эпохи эллинизма сохранилось привилегированное положение рабов, выращенных хозяевами.

В греческих колониях Северного Причерноморья и в Боспорском царстве положение было иным. Окруженные варварскими племенами, стоявшими на разных ступенях социального развития, их обитатели сохранили в быту много архаизмов[65]. Из сообщений древних авторов мы знаем, что у многих племен, живших вблизи Боспорского царства, а часто и входивших в его состав, существовали обычаи, связанные с материнским родом, и, следовательно, обычай кормильства должен был играть у них большую роль. С другой стороны, известны случаи, когда боспорские династы по политическим соображениям посылали своих дочерей в жены «царькам» местных племен, укрепляя с ними таким обра-

---

[59] *С. А. Жебелев.* Указ. раб., с. 27—32.

[60] *В. Ф. Гайдукевич.* Указ. раб., с. 304.

[61] *M. Rostovtzeff.* The social and economic history of the Hellenistic world, v. III, Oxsford, 1941, p. 1512.

[62] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство, с. 304.

[63] *П. О. Бурачков.* Общий каталог монет. Одесса, 1884, с. 221; *E. N. Minns.* Scythians and Greeks. Cembridge, 1913, p. 580, 582. *M. Rostovzeff.* Указ. раб., т. III, с. 1512.

[64] *В. В. Струве.* Указ. раб., с. 30—32.

[65] *Дион Хрисостом.* Борисфенитская речь.— *В. В. Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, в. I. СПб., 1893, с. 176.

зом союзные отношения[66]. Кстати, так поступал и сам Митридат Евпатор, который «...послал с евнухами своих дочерей в замужество скифским властителям...»[67]. Об этой же традиции сообщают новеллы Лукиана Самосатского[68] и Полиена[69].

Возможно, Савмак был сыном царя Скилура и сестры Перисада V, сводным братом скифского царя Палака (по одной версии у Скилура было 50, по другой — 80 сыновей[70]). По нормам патрилокального брака, сочетавшимся с еще действующими традициями матрилокального, дядя с материнской стороны являлся естественным воспитателем-кормильцем ребенка сестры. Если наше предположение верно, то Савмак в силу обычая должен был воспитываться у боспорского царя. Отсюда, возможно, и его фракийское имя.

Как бы то ни было, существовало одно препятствие, мешавшее нам сразу признать Савмака воспитанником Перисада. Было непонятно, как мог воспитанник поднять руку на своего воспитателя. Нормы кавказского аталычества и древнерусского кормильства категорически исключают возможность убийства воспитателя воспитанником, воспитанника воспитателем и т. д., ибо, как уже указывалось выше, молочное родство и родство по кормильству, создаваемое воспитанием, было тогда крепче кровного и налагало на обе стороны целый ряд взаимных обязательств. Подобный поступок представлялся просто немыслимым. Однако, как оказалось, такие факты в древности встречались. Б. А. Тураев в «Истории Древнего Востока» сообщает о том, что финикийский деспот Абдастарт (919—910) был убит сыновьями своей кормилицы,[71] интересно также отметить, что сыновья кормилицы, по данным Б. А. Тураева, убившие своего молочного брата и занявшие его место на престоле, продолжали прежнюю династию. Из этого можно сделать вывод, что молочные братья тогда еще имели такие же права на престол как (потом?) и родные по крови.

Прошло 700 лет, и нечто подобное произошло на Боспоре. Правда, в данном случае событие носит экстраординарный характер; управление государством передавалось царю другого, возможно, соперничающего государства, чем могли быть недовольны не только низы, но и многие граждане Боспора, в том числе и купечество. Быстрота и легкость, с которой Савмак овладел Пантикапеем и Феодосией и стал государем, свидетельствует скорее всего о том, что он был не узурпатором, а воспитанником Спартокида, осуществившим свои права, освященные многовековой традицией. Этим объясняется поддержка, оказанная ему населением Боспорского царства.

Опираясь на приведенные выше факты, мы считаем себя вправе сделать вывод о бытовании на Боспоре (II в. до н. э.— III в. н. э.) обычая кормильства, практиковавшегося в равной степени для детей обоего пола независимо от степени их родовитости и имущественного положения, а также племенного происхождения (т. е. обычай кормильства охватывал разные слои этнически неоднородного населения Боспорского царства). К сожалению, отсутствие материала не дает возможности выявить отличительные черты кормильства различных социальных слоев населения Боспора. Возможно, такой материал появится в будущем.

---

[66] Страбон, например, рассказывает о том, что скифские вожди предложили Александру Македонскому в знак дружбы прислать ему в жены своих дочерей. См. *Аппиан.* Поход Александра (Великого), кн. IV, гл. 15, § 1.— *В. В. Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских..., с. 515.

[67] *Аппиан.* Войны с Митридатом.— *В. В. Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских..., с. 533.

[68] *Лукиан Самосатский.* Токсарид или дружба.— *В. В. Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских..., с. 555.

[69] *Полиен.* «Военные хитрости». Тиргатао.— *В. В. Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских..., с. 56.

[70] *Страбон.* VII, 4.

[71] *Б. А. Тураев.* История Древнего Востока, т. II. Л., 1936, с. 7.